

**ЯЗЫКИ
ПАО**

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс Языки Пао

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50283100

ISBN 9785449813442

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Планета Пао страдает от культурного застоя. Ученые с Раскола, другой планеты, замыслили безжалостный эксперимент, намереваясь придать населению Пао новую жизненную силу и эксплуатировать его посредством своего рода «шоковой терапии», подразделив паонов на три специализированных касты, говорящих на разных языках – воинов, техников и торговцев. Но в основе проекта раскольников таится изъян, свойственный их собственной вырожденной культуре.

Содержание

1	5
2	9
3	26
4	40
5	43
6	51
7	60
8	66
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Языки Пао

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2020

© Александр Фет, перевод, 2020

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-1344-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Посреди шарового скопления Полимарк вокруг желтой звезды Ауриол вращается планета Пао; ей свойственны следующие характеристики, выраженные в стандартных единицах.

Масса: 1,73

Диаметр: 1,39

Тяготение на поверхности: 1,04

Плоскость суточного вращения Пао совпадает с плоскостью ее орбиты, в связи с чем в этом мире нет сезонных изменений – здесь преобладает равномерно распределенный умеренный климат. Разделенные примерно равными промежутками, вдоль экватора расположились восемь континентов, поименованных в соответствии с первыми восемью порядковыми номерами паонезской системы исчисления: Айманд, Шрайманд, Видаманд, Минаманд, Нонаманд, Дронаманд, Хиванд, Импланд. Крупнейший континент, Айманд, в четыре раза больше наименьшего, Нонаманда. Неблагоприятные погодные условия наблюдаются только в Нонаманде, простирающемся до высоких южных широт.

Точная перепись населения Пао никогда не производилась, но основная масса населения – примерно пятнадцать

миллиардов человек – проживает в сельской местности.

Паоны – однородная раса; как правило, это светлокожие люди среднего роста с рыжевато-коричневыми или коричневаточерными волосами, мало отличающиеся друг от друга телосложением или чертами лица.

Историю паонов, до правления панарха Айелло Панаспера, нельзя назвать богатой событиями. Обосновавшись на гостеприимной планете, первопоселенцы размножились настолько, что плотность населения на Пао стала беспрецедентной. Распорядок жизни сводил к минимуму социальные напряжения – здесь не было крупномасштабных войн, эпидемий или катастроф, за исключением наступавшего время от времени голода, каковой население переносило с аскетической стойкостью. Паоны – простые, бесхитростные люди, у них нет никакой религии, никакого культа. В том, что касается материальных благ, они требуют от жизни немногого, но уделяют исключительное внимание вопросам кастового происхождения и статуса. Их не развлекают состязательные виды спорта, но они любят собираться огромными массами по десять или даже двадцать миллионов человек и распевать древние гимны. Типичный паон обрабатывает небольшой участок земли, извлекая дополнительный доход каким-либо кустарным ремеслом или розничной торговлей. Паоны мало интересуются политикой; абсолютная самодержавная власть их наследственного правителя, панарха, охватывает всю планету сетью бесчисленных государственных учреждений, рас-

пространяясь до самых дальних селений. В паонезском языке слово «карьер» – синоним трудоустройства на государственной службе. При этом правительство функционирует, как правило, достаточно эффективно.

Язык Пао происходит от вайдальского, но приобрел необычные свойства. На паонезском языке предложение описывает скорее не действие как таковое, а сложившуюся ситуацию. В нем нет ни глаголов, ни наречий, ни даже сравнительных понятий и оборотов, таких, как «хорошо» и «плохо», «лучше» и «хуже», «наилучший» и «наихудший». Типичный паон рассматривает себя – если он вообще представляет себя отдельной личностью – как поплавок в океане миллионов волн, поднимающийся и опускающийся, гонимый из стороны в сторону непостижимыми подспудными силами. Он относится к правительству с трепетом почтения, подчиняется ему беспрекословно и требует от него лишь непрерывности династического престолонаследия, так как с точки зрения паона ничто не должно изменяться – правильность распорядка жизни заключается в его постоянстве.

Несмотря на его абсолютную власть, с первого взгляда тираническую, панарху тоже приходится подчиняться правилам. В этом заключается парадокс: единственному самовольно действующему индивидууму на планете, казалось бы, доступны немыслимые пороки, отвратительные для обычных людей. Тем не менее, панарх не может выглядеть легкомысленным или даже веселым, он обязан сторониться дру-

жеских отношений с кем бы то ни было, он лишь изредка, по мере необходимости, показывается в общественных местах. Что важнее всего, он не смеет казаться нерешительным или неуверенным в себе. Это было бы несовместимо с архетипом панарха.

2

Перголаи, островок в Джелианском море между Минамандом и Дронамандом, охранялся в качестве личного буколического убежища панарха Айелло Панаспера. Над обширным лугом, окаймленным паонезским бамбуком и высокими миррами, возвышалась вилла Айелло – ажурное строение из белого стекла, резного камня и полированного дерева. Планировка отличалась простотой: к жилой башне примыкали служебный флигель и восьмиугольный павильон с розовым мраморным куполом. Здесь, в павильоне, за столом из резной слоновой кости, восседал за полуденной трапезой Айелло, облаченный в непроглядно-черную мантию повелителя мира. Панарх был человек крупный и откормленный, с маленькими ладонями и ступнями. Его серебристая седая шевелюра блестела свежестью, как волосы маленького ребенка; такой же младенческой чистотой и ясностью отличались его кожа и взор широко открытых, немигающих глаз. Уголки рта панарха были опущены, а брови – высоко подняты, что придавало его лицу непреходящее язвительно-вопросительное выражение.

Справа от панарха сидел его брат Бустамонте, величаемый «айудором» – человек поменьше, с ершиком жестких черных волос, быстро бегающими черными глазами и тугими складками вокруг рта. Для паона, Бустамонте был необычно

энергичен. Посетив две или три ближайшие планеты, он вернулся, полный энтузиазма по поводу некоторых чужеземных идей, чем заслужил неприязнь и недоверие большинства паонов.

По левую руку Айелло сидел его сын, Беран Панаспер – «медалион», то есть наследник престола. Тощий и застенчивый подросток с хрупкими чертами лица и длинными черными волосами, он напоминал самодержавного родителя лишь свежестью кожи и ясностью широко открытых глаз.

Напротив за столом теснились чиновники, ходатаи, три коммерческих представителя планеты Меркантиль и человек с ястребиным носом в серо-коричневой робе, не говоривший ни слова.

Панарху подавали особые служанки в длинных, черных с диагональными золотыми полосами платьях. Каждое блюдо сначала пробовал Бустамонте – этот обычай остался с тех времен, когда престолонаследие посредством убийства было скорее правилом, нежели исключением. От тревожного прошлого остался еще один пережиток – три мамарона, молчаливо стоявших за спиной панарха и бдительно следивших за присутствующими. Эти нейтралоиды – гигантские существа, сплошь покрытые черной татуировкой, носили величественные блестящие тюрбаны из вишневого и зеленого лент, туго облегающие панталоны той же расцветки и нагрудные эмблемы из белого шелка, расшитого серебром. Мамароны держали щиты из рефракса, при появлении первого призна-

ка опасности создававшие перед панархом непроницаемую стену.

Айелло брезгливо попробовал несколько блюд, после чего жестом выразил готовность заняться повседневными государственными делами.

Вильнис Теробон, в охряной с пурпурными узорами мантии министра общественного благополучия, поднялся со скамьи и предстал перед панархом. Он изложил сущность возникшей проблемы: засуха, охватившая саванны Южного Импланда, разоряла местных фермеров, выращивающих зерновые. Теробон намеревался устроить оросительные каналы, подающие воду с возвышенностей Центрального Импланда, но не мог согласовать удовлетворительный план с министром ирригации. Айелло слушал, задал пару вопросов, после чего вынес краткое решение, утвердив строительство опреснительной станции на берегу перешейка Корой-Шерифте, откуда сеть трубопроводов, общей протяженностью шестнадцать тысяч километров, должна была доставлять воду в засушливые районы.

Следующим выступил министр здравоохранения. Численность населения центральной равнины Дронаманда возросла, в связи с чем стала ощущаться нехватка жилья. Новые дома, однако, пришлось бы строить на сельскохозяйственных угодьях, что способствовало бы наступлению и так уже угрожавшего голода. Пожевав дольку маринованной дыни, Айелло порекомендовал еженедельно перевозить миллион

человек с равнин Дронаманда на суровое побережье южного континента, Нонаманда. Кроме того, панарх постановил, что отныне всех новых младенцев, рождающихся в семьях с более чем двумя детьми, надлежало подвергать субаквации. Таковы были классические методы регулирования популяции, ни у кого не вызывавшие возмущения.

Юный Беран с почтением наблюдал за происходящим, замороженный беспредельностью власти своего отца. Ему редко разрешали присутствовать при отправлении государственных дел, так как Айелло не любил детей и уделял воспитанию сына самое поверхностное внимание. В последнее время образованием Берана заинтересовался айудор Бустамонте, часами читавший наследнику наставления, пока тот не начинал клевать носом и протирать глаза. Айудор играл с Бераном в странные игры, приводившие подростка в замешательство и вызывавшие непривычные неприятные ощущения. Кроме того, наследник стал замечать, что не помнит происходившего на протяжении некоторых промежутков времени – в памяти возникали провалы.

Так и теперь, сидя в павильоне за столом из слоновой кости, Беран держал в руке небольшой незнакомый предмет. Он не помнил, откуда взялся этот предмет, но возникало впечатление, что он должен был что-то с ним сделать. Беран взглянул на отца и ощутил внезапный приступ паники – словно его окатила горячая волна. Чувствуя себя не в своей тарелке, наследник выпрямился в кресле. За ним хмуро сле-

дил Бустамонте. Согласно указаниям айудора, Беран должен был внимательно наблюдать и слушать. Беран украдкой изучал сжатый в руке предмет, одновременно знакомый и непонятный. Словно вспоминая сон, Беран знал, что должен был использовать этот предмет – и снова его окатила горячая волна паники.

Беран попробовал кусочек жареного рыбьего хвоста – как обычно, есть ему не хотелось. Он чувствовал на себе пристальный взгляд – за ним следил кто-то еще. Обернувшись, наследник встретился глазами с незнакомцем в серо-коричневой робе. У этого человека было поразительное лицо – узкое и длинное, с тонкими усами и выдающимся горбатым носом, напоминавшим нос корабля. Его блестящие, густые, коротко подстриженные черные волосы выглядели как мех какого-то животного. Взгляд глубоко посаженных глаз незнакомца, темный и гипнотизирующий, вызвал у Берана новый приступ беспокойства. Предмет, зажатый в руке, казался тяжелым и горячим. Беран хотел бросить его на землю, но не мог.

В последнюю очередь панарх выслушал Сиджила Паниша, коммерческого представителя планеты Меркантиль из соседней солнечной системы. Худощавый человек с отливающей медью кожей, подвижный и проницательный, Паниш укладывал глянцевые лакированные волосы в подушечки, скрепленные бирюзовыми заколками. Типичный меркантилец, торговец и делец, Паниш был настолько же продуктом

городского уклада жизни, насколько паоны были порождениями пахотных земель и морских просторов. Его планета торговала со всеми мирами звездного скопления; меркантильские космические баржи скитались повсюду, доставляя механическое оборудование, наземные транспортные средства, летательные аппараты, системы связи, инструменты, оружие и генераторы энергии, возвращаясь на Меркантиль с грузами пищевых продуктов, роскошных ремесленных изделий и любых сырьевых материалов, какие было дешевле импортировать, нежели синтезировать.

Бустамонте что-то прошептал на ухо панарху; тот отрицательно покачал головой. Бустамонте стал шептать настойчивее; Айелло бросил на него медленный, язвительный взгляд искоса. Бустамонте недовольно откинулся на спинку кресла.

По знаку Айелло, капитан часовых-мамаронов обратился к присутствующим мягким хрипловатым голосом, вызывавшим ощущение прикосновения к крацованной стали: «По воле панарха всем, чьи дела уже рассмотрены, надлежит удалиться».

На скамье для ожидающих остались только Сиджил Паниш, два его помощника и незнакомец в серо-коричневой робе.

Меркантилец перешел к креслу, освободившемуся прямо напротив Айелло, поклонился и сел; два помощника встали у него за спиной.

Панарх рассеянно произнес приветствие; меркантилец от-

ветил на ломаном паонезском.

Оценивая торговца, Айелло крутил перед собой вазочку с фруктами, мочеными в коньяке: «Пао и Меркантиль торгуют уже много веков, Сиджил Паниш».

Инопланетянин поклонился: «Мы неукоснительно соблюдаем договоры – таково наше кредо».

Айелло отозвался усмешкой: «Торговля с Пао вас обогатила».

«Мы торгуем с двадцатью восемью мирами, ваше превосходство».

Панарх откинулся на спинку кресла: «Я хотел бы обсудить с вами два вопроса. Как вы только что слышали, на Импланде наступила засуха. Необходимо опреснять надлежащее количество океанской воды. Вы можете сообщить об этой потребности вашим инженерам».

«Я всецело к вашим услугам».¹

¹ Языки Пао и Меркантиля различались настолько же, насколько несовместим был образ жизни обитателей этих планет. Говоря «Я хотел бы обсудить с вами два вопроса», панарх буквально произнес следующее: «*Префикс важности утверждения* (одно слово на паонезском языке) плюс *суффикс состояния готовности* (второе слово) плюс числительное „два“ – „ухо Меркантиля“ плюс *суффикс состояния готовности* – „присутствующее лицо“ плюс *суффикс состояния стремления или желания*». Необходимость дословного перевода создает впечатление громоздкой многословности. Тем не менее, паонезская фраза «*Ромель-эн-шрай богаль-Меркантиль-нли-эн мус-эс-нли-ро*» содержит всего лишь на одну фонему больше, чем предложение «Я хотел бы обсудить с вами два вопроса». Меркантильцы выражаются лаконичными неделимыми порциями точно определенной информации. Фраза «Я всецело к вашим услугам» в дословном переводе с меркантильского языка выглядела бы следующим образом: «*Я, посол, в настоящее*

Бесстрастно и ровно, словно между прочим, Айелло прибавил: «Мы приказали вам доставить, и вы доставили, большое количество оборонительного оборудования».

Сиджил Паниш выразил согласие поклоном. Выражение лица торговца несколько не изменилось, но он внезапно напрыгся, в его голосе появилась нотка беспокойства: «Мы в точности выполнили условия заказа».

«Не могу с вами согласиться», – отозвался Айелло.

Паниш выпрямился в кресле, его манера выражаться стала еще более церемонной: «Заверяю ваше превосходство в том, что я лично проследил за доставкой. Оборудование в точности соответствовало перечню в накладной».

«Вы доставили шестьдесят четыре² орбитальные установки заградительного огня, пятьсот двенадцать патрульных истребителей, а также большое количество усилителей резонанса, силовых блоков, ракет с головками самонаведения и личного оружия – согласно первоначальному заказу».

«Так точно, ваше превосходство».

«Тем не менее, вам было известно назначение нашего заказа».

Сиджил Паниш наклонил отливающую медью голову: «Вы

время охотно повинуюсь приказу, произнесенному вами, верховным правителем планеты, в том виде, в каком он был сформулирован вами и истолкован мною в настоящее время».

² Паоны пользуются восьмеричной системой счисления. Поэтому десятиричное число 100 эквивалентно 64 на паонезском языке, десятиричное число 1000 эквивалентно 512, и т. д.

имеете в виду условия на планете Топогнус».

«Разумеется. Династия Дольбергов уничтожена. Власть захватил клан Брумбо. Новые правители Топогнуса, как правило, замышляют военные авантюры».

«Такова их традиция», – согласился меркантилец.

«Вы поставили им вооружения, необходимые для осуществления этих замыслов».

Паниш снова согласился: «Мы продаем товар любым желающим. Так делается испокон веков, это ни для кого не секрет. В этом отношении нас не в чем упрекнуть».

Айелло поднял брови: «Я упрекаю вас не за это. Я упрекаю вас за то, что вы продали нам стандартные модели, тогда как клану Брумбо вы предложили усовершенствованные вооружения и оборудование, гарантируя, что наши средства обороны не смогут им противостоять».

Сиджил Паниш моргнул: «Кто предоставил вам эти сведения?»

«Разве я обязан раскрывать свои секреты?»

«Нет-нет! – воскликнул Паниш. – Полученная вами информация, однако, не может соответствовать действительности. Мы придерживаемся принципа полного нейтралитета».

«Если вы не можете извлечь дополнительную прибыль посредством двурушничества».

Сиджил Паниш выпрямился: «Ваше превосходство, я – официальный представитель Меркантиля на Пао. Ваше обвинение следует рассматривать как формальное оскорбле-

ние».

Айелло изобразил удивление: «Как можно оскорбить меркантильца? Абсурдное допущение!»

Медная кожа меркантильца приобрела киноварный оттенок.

Бустамонте снова что-то прошептал на ухо панарху. Айелло пожал плечами и повернулся к инопланетному торговцу. Он говорил размеренно, неторопливо и холодно: «По упомянутым причинам я заявляю, что условия договора с Меркантилем нарушены. Поставленный товар не может выполнять свою функцию. Мы за него не заплатим».

«Поставленный товар соответствует условиям договора!» – возразил Сиджил Паниш. С его точки зрения, ни в каких других аргументах не было необходимости.

«Этот товар для нас бесполезен, и на Меркантиле об этом знали, когда заключали договор».

Глаза Паниша сверкнули: «Не сомневаюсь, что ваше превосходство понимает долгосрочные последствия такого решения».

Бустамонте не сдержался: «Меркантильским двурушникам следовало бы лучше понимать долгосрочные последствия своего мошенничества!»

Айелло выразил раздражение лаконичным жестом, и Бустамонте замолчал.

Сиджил Паниш обернулся к двум подчиненным; они обменялись вполголоса несколькими возбужденными фраза-

ми. Затем Паниш спросил: «Могу ли я поинтересоваться, на какие именно „долгосрочные последствия“ намекает айудор?»

Айелло кивнул: «Обратите внимание на господина, сидящего слева от вас».

Взоры присутствующих обратились к незнакомцу в серо-коричневой робе.

«Кто этот человек? – резко произнес Сиджил Паниш. – Мне незнакома его манера одеваться».

Служанка в расшитом золотыми полосами черном платье подала панарху чашу с зеленым сиропом. Бустамонте попробовал сироп ложечкой. Айелло поднял чашу и пригубил из нее: «Перед вами лорд Палафокс. Он прибыл, чтобы предоставить нам рекомендации». Панарх снова пригубил из чаши и отодвинул ее. Прислужница тут же подхватила чашу и унесла ее.

Сиджил Паниш взирал на незнакомца с холодной враждебностью. Его помощники о чем-то вполголоса переговаривались. Бустамонте небрежно развалился в кресле.

«В конце концов, – продолжал Айелло, – если мы не можем рассчитывать на поддержку со стороны Меркантиля, нам придется обратиться за помощью к другим».

Паниш снова обернулся, чтобы пошептать с советниками. Они о чем-то спорили. Наконец Паниш прищелкнул пальцами, чтобы подчеркнуть свои полномочия; советники поклонились и замолчали. Торговец повернулся к панар-

ху: «Само собой, ваше превосходство принимает любые решения по своему усмотрению. Могу лишь подчеркнуть тот факт, что в звездном скоплении Полимарк нет продукции, превосходящей качеством и эффективностью меркантильскую».

Айелло взглянул на человека в серо-коричневой робе: «В данный момент я не хотел бы обсуждать справедливость вашего утверждения. Может быть, лорд Палафокс желает что-нибудь сказать по этому поводу?»

Палафокс, однако, только покачал головой.

Паниш подал знак одному из подчиненных; тот неохотно подошел ближе.

«Позвольте продемонстрировать одну из наших последних разработок», – предложил Паниш. Советник передал ему футляр, и Паниш вынул из него две небольшие прозрачные полусферы.

Как только торговец открыл футляр, охранники-нейтралоиды выступили вперед и заслонили панарха щитами из рефракса. Сиджил Паниш болезненно поморщился: «Нет причин для беспокойства – все это совершенно безопасно».

Коммерсант показал панарху полусферы, после чего приложил их к глазам: «Наши новые оптидины выполняют функции телескопа и микроскопа одновременно! Невероятный диапазон их фокусного расстояния контролируется мышцами глазниц и веками. Поистине чудесное изобретение! Например... – Паниш повернулся и взглянул в окно па-

вильона. – Я вижу кристаллы кварца в каменных блоках волнолома. Вдали, под кустом фунеллы, притаился серокрох». Торговец взглянул на рукав своей туники: «Я вижу отдельные нити, волокна нитей, слои волокон!»

Паниш повернулся к Бустамонте: «Я вижу поры на носу достопочтенного айудора. В его ноздре заметно несколько волосков». Торговец повернулся к наследнику престола, тщательно игнорируя панарха – изучение панарха с помощью какого бы то ни было оптического прибора стало бы непростительным нарушением этикета: «Молодой человек явно возбужден. Могу подсчитать его пульс, заметно каждое движение артерии на шее... Пальцами он сжимает небольшой предмет, что-то вроде пилюли...» Паниш направил прозрачные полусферы на высокого незнакомца в робе: «Я вижу...» Меркантилец замолчал, присмотрелся, после чего резким движением опустил полусферы.

«Что вы увидели?» – поинтересовался Бустамонте.

Сиджил Паниш продолжал смотреть на незнакомца – теперь тот явно внушал ему боязливое почтение: «Я заметил символ у него на шее. Это татуировка чародея-раскольника!»

Эти слова почему-то возмутили Бустамонте. Он осуждающе взглянул на панарха, с ненавистью покосился на Палафокса, после чего угрюмо опустил глаза к столу, уставившись на резные узоры из слоновой кости.

«Вы правы, – сказал Айелло. – Это лорд Палафокс, на-

ставник из Раскольного института».

Паниш напряженно пригнулся: «Ваше превосходство, могу ли я задать вопрос?»

«Спрашивайте».

«Что привело лорда Палафокса на Пао?»

«Чародей приехал по моему вызову, – с бесстрастной вежливостью отозвался Айелло. – Мне нужна консультация специалиста. Некоторые из моих советников, – панарх бросил довольно-таки презрительный взгляд на Бустамонте, – считают, что мы можем купить сотрудничество Меркантиля. Они уверены в том, что за достаточно высокую цену вы предадите топогнусских Брумбо так же, как предали нас».

«Мы предлагаем всевозможные товары и услуги, – произнес Паниш голосом, срывающимся от раздражения. – Нам можно поручить специализированные разработки».

Розовый рот панарха покривился усмешкой отвращения: «Предпочитаю иметь дело с Палафоксом».

«Почему вы дали мне об этом знать?»

«Не хотел бы, чтобы ваши синдики думали, что их мошенничество останется незамеченным».

Сиджил Паниш сделал над собой огромное усилие: «Я настоятельно рекомендую вам пересмотреть свое решение. Мы никоим образом вас не обманывали. Мы доставили товар в строгом соответствии с заказом. Меркантиль безукоризненно служил вам в прошлом – мы надеемся, что наши взаимовыгодные отношения сохранятся и в будущем. Представь-

те себе, к чему может привести сделка с Расколом!»

«Я не заключал никаких сделок с лордом Палафоксом», – возразил Айелло, бросив быстрый взгляд на человека с серо-коричневой робе.

«А, но вам придется это сделать! Откровенно говоря...» – коммерсант замолчал, ожидая разрешения.

«Говорите», – сказал панарх.

«Сделка с раскольников может вас глубоко разочаровать, – Паниш слегка воспрял духом. – Не забывайте, ваше превосходство, что на Расколе не изготавливают оружие. Их научные достижения не находят практического применения». Коммерсант обратился к Палафоксу: «Не так ли?»

«Не совсем так, – ответил Палафокс. – Наставник Института всегда вооружен».

«И на Расколе производят оружие на экспорт?» – настаивал Паниш.

«Нет, – с легкой усмешкой сказал Палафокс. – Общеизвестно, что мы производим только знания и людей, ими владеющих».

Паниш повернулся к панарху: «Только оружие может предохранить вас от ярости Брумбо. Почему бы не познакомиться, по меньшей мере, с некоторыми меркантильскими новинками?»

«Это ничему не помешает, – вмешался Бустамонте. – Возможно, в конечном счете помощь чародея нам не потребуются».

Раздраженный Айелло хотел было одернуть брата, но Сиджил Паниш уже демонстрировал сферический проектор с рукояткой: «Вот одно из наших самых изобретательных новшеств!»

Поглощенный напряженными переговорами, наследник престола Беран почувствовал внезапную дрожь, не поддающийся описанию приступ тревоги. Почему? Каким образом? Что случилось? Ему нельзя было оставаться в павильоне, нужно было уйти, убежать, скрыться! Но он не мог сдвинуться с места.

Паниш направил проектор на купол из розового мрамора: «Наблюдайте, прошу вас!» Верхняя половина помещения стала непроницаемо черной, словно отрезанная затвором или замещенная пустотой космического пространства. «Это устройство регистрирует и поглощает энергию в видимой части спектра излучения, – пояснял меркантилец. – Неоценимое средство камуфляжа, приводящее в замешательство противника!»

Беран повернул голову, бросив безнадежный взгляд на Бустамонте.

«А теперь – внимание! – воскликнул Сиджил Паниш. – Я поворачиваю регулятор...» Он повернул ребристую круглую кнопку, и весь павильон погрузился во мрак.

Все молчали – слышно было только, как прокашлялся Бустамонте.

Затем кто-то удивленно ахнул, послышались шорохи по-

спешного движения, сдавленный возглас.

Павильон снова осветился. Теперь уже ахнули многие – все смотрели на панарха. Айелло лежал в кресле с розовой шелковой обивкой, закинув голову. Нога его дернулась вверх и пнула стол – блюда и бутылки подскочили и зазвенели. «Скорее, врача! – закричал Бустамонте. – Панарху плохо!» Айелло несколько раз судорожно ударил кулаками по столу; глаза его помутнели, голова бессильно опустилась – панарх умер.

3

Врачи осторожно изучали тучное тело Айелло, широко раскинувшее руки и ноги. Беран – новый панарх, богоподобное средоточие жизненной силы всех паонов, абсолютный самодержец восьми континентов и повелитель океанских просторов, сюзерен солнечной системы Ауриола и общепризнанный лидер Вселенной (помимо прочих почетных титулов) – сидел и ошеломленно озирался, ничего не понимая и не испытывая никакой скорби. Меркантильцы стояли обособленной группой, переговариваясь вполголоса. Палафокс, не сдвинувшийся с места за столом, наблюдал за происходящим без особого интереса.

Бустамонте – теперь уже айудор-регент – не терял времени, утверждаясь во власти, принадлежавшей ему по праву вплоть до совершеннолетия наследника. Размахивая руками, он отдавал приказы: вокруг павильона выстроился кордон мамаронов.

«Никто отсюда не уйдет, – объявил Бустамонте, – пока не будут выяснены все обстоятельства этой трагедии!» Он повернулся к врачам: «Вы установили причину смерти?»

Старший из трех врачей поклонился: «Панарх отравлен. Кто-то метнул в него шприц-дротик, воткнувшийся в шею с левой стороны». Врач сверился с показаниями циферблатных индикаторов, экранных графиков и цветных секторных

диаграмм анализатора – его коллеги вставили в углубления прибора пробирки с образцами физиологических жидкостей Айелло: «Судя по всему, использованный яд – производное мепотанакса, скорее всего, экстин».

«В таком случае, – сказал Бустамонте, обводя взором всех присутствующих, от коммерсантов-меркантильцев до лорда Палафокса, – преступление совершил кто-то, находившийся в павильоне».

Сиджил Паниш почтительно приблизился к телу панарха: «Позвольте мне рассмотреть дротик».

Старший врач указал на металлическую кювету. В ней лежал небольшой черный шип с белой колбочкой в основании.

Лицо торгового представителя напряглось: «Этот предмет я заметил в руке медалиона несколько минут тому назад».

Бустамонте порозовел от ярости, его глаза пылали огнем: «И это обвинение исходит от кого – от меркантильского мошенника? Вы обвиняете ребенка в том, что он убил отца?»

«Ни в коем случае!» – поспешил возразить Сиджил Паниш; коммерсант и его советники побледнели, беспомощно опустив руки.

«Не остается никаких сомнений! – неумолимо продолжал Бустамонте. – Вы прибыли на Перголаи, зная, что ваше двурушничество обнаружено. И таким образом решили избежать наказания!»

«Какая чепуха! – воскликнул представитель Меркантиля. – Зачем бы мы стали делать такую глупость?»

Бустамонте не внимал протестам. Он гремел: «Убийству панарха нет оправданий! Пользуясь темнотой, вы умертвили повелителя всех паонов!»

«Нет, нет!»

«Но преступление не принесет вам никаких выгод! Я, Бустамонте, безжалостнее моего старшего брата! Моим первым государственным постановлением станет приговор, вынесенный его убийцам!»

Бустамонте воздел правую руку, ладонью наружу, и прижал большой палец к ладони четырьмя другими пальцами – таков был традиционный паонезский жест, призывавший к смертной казни. Он обратился к командиру мамаронов: «Субаквировать этих тварей!» Бустамонте взглянул на небо – солнце уже опускалось к горизонту: «И поторопитесь, наступают сумерки!»

Паонезские предрассудки запрещали казнить в темноте; мамароны поспешно утащили коммерсантов на прибрежный утес. Меркантильцев связали по рукам и ногам, их ноги вставили в нагруженные балластом гильзы, после чего торговцев раскачали и сбросили с утеса. Они с шумом упали в воду и погрузились в нее; через пару секунд морская рябь стала спокойной, как прежде.

Через двадцать минут, по приказу Бустамонте, на утес принесли тело Айелло. Его тоже снабдили балластом и бесцеремонно сбросили в море вслед за меркантильцами. Снова на поверхности волн появился похожий на цветок всплеск

белой пены – и снова сомкнулись безмятежные синие воды.

Солнце повисло над краем моря. Бустамонте, айудор-регент планеты Пао, расхаживал по террасе нервными энергичными шагами.

Рядом сидел лорд Палафокс. По углам террасы стояли часовые-мамароны, направившие на Палафокса огнеметы, чтобы предотвратить любую попытку насилия.

Бустамонте резко остановился перед раскольниковом: «Я принял правильное решение – в этом не может быть сомнений!»

«О каком решении вы говорите?»

«В том, что касается меркантильцев».

Палафокс задумался: «Возобновление космической торговли теперь может оказаться затруднительным».

«Ба! Торгаши забудут о смерти трех человек, как только им пообещают прибыльную сделку!»

«Прибыль они не упустят, это верно».

«Мошенники, предатели! Они получили по заслугам».

«Кроме того, – указал Палафокс, – за преступлением последовало надлежащее наказание, восстановившее справедливость и предвосхитившее общественное возмущение».

«Правосудие свершилось», – чопорно заключил Бустамонте.

Палафокс кивнул: «В конечном счете, функция правосудия заключается в том, чтобы удерживать других потенци-

альных преступников от осуществления их планов. Казнь – убедительное упреждающее средство».

Бустамонте развернулся на каблуках и снова принялся расхаживать взад и вперед: «Верно также и то, что я действовал таким образом отчасти для того, чтобы упростить выход из затруднительной ситуации».

Палафокс ничего не сказал.

«Честно говоря, – продолжал Бустамонте, – не могу не признать, что улики обличают другого виновника преступления, в связи с чем основная часть проблемы остается нерешенной и может внезапно всплыть на поверхность подобно нарастающему основанию айсберга».

«В чем заключается проблема?»

«Что делать с несмышленным Бераном?»

Палафокс погладил костлявый подбородок: «Этот вопрос необходимо рассмотреть в надлежащей перспективе».

«Я вас не понял».

«Спросим себя: действительно ли Беран убил панарха?»

Выпятив губы и выпучив глаза, Бустамонте стал удивительно похож на причудливый гибрид обезьяны и лягушки: «В этом не может быть сомнений!»

«Зачем бы ему это понадобилось?»

Бустамонте пожал плечами: «Айелло не любил Берана. Нет уверенности даже в том, что Беран – на самом деле его сын».

«Неужели? – задумчиво произнес лорд Палафокс. –

Кто же, в таком случае, настоящий отец Берана?»

Бустамонте снова пожал плечами: «Августейшая Петрея была не слишком разборчива в связях – но мы никогда не узнаем правду, потому что год тому назад Айелло приказал ее субаквировать. Беран был вне себя от горя – может быть, этим и объясняется его преступление».

«Надеюсь, вы не принимаете меня за дурака?» – спросил Палафокс, растянув губы в странной неподвижной улыбке.

Бустамонте ошеломленно уставился на него: «Что? Что вы сказали?»

«Убийство совершено с автоматической точностью. Судя по всему, ребенок действовал под гипнотическим внушением. Его руку направил мозг другого человека».

«Вы так считаете? – Бустамонте нахмурился. – И кто может быть этот другой человек?»

«Почему не айудор-регент, например?»

Бустамонте перестал расхаживать и не сдержал короткий смешок: «Фантастическая гипотеза! Почему бы не предположить, что убийца – вы?»

«Смерть Айелло не принесла мне никаких выгод, – ответил Палафокс. – Он вызвал меня с определенной целью. Теперь он мертв, а ваша политика будет развиваться в другом направлении. Таким образом, я здесь больше не нужен».

Бустамонте поднял руку: «Не спешите. Сегодня уже не вчера. Как вы сами заметили, теперь переговоры с Меркантилем могут оказаться затруднительными. Возможно, вы

окажетесь мне полезным не меньше, чем моему брату».

Палафокс поднялся на ноги. Огромное оранжевое солнце, увеличенное линзой воздушных масс, погружалось за далекий морской горизонт. Вечерний бриз извлекал тихие задунывные звуки из флейт эолийской арфы и заставлял позвякивать стеклянные колокольчики; в кустах потрескивали перистые цикады.

Солнце стало ущербным – от него осталась половина, потом только четверть.

«Смотрите! – Палафокс протянул руку к солнцу. – Сейчас загорится зеленый луч!»

Последняя огненно-красная полоска опустилась за горизонт; в туманной полоске горизонта загорелся чисто-зеленый дрожащий проблеск, быстро потемневший до синего и погасший.

Бустамонте мрачно произнес: «Берану придется умереть. Факт отцеубийства невозможно отрицать».

«Вы судите опрометчиво и применяете средства решения проблем, более губительные, чем сами проблемы», – мягко возразил Палафокс.

«Я действую так, как считаю нужным!» – отрезал Бустамонте.

«Я мог бы избавить вас от этого ребенка, – предложил Палафокс. – Он мог бы улететь со мной на Раскол».

Бустамонте уставился на чародея с притворным удивлением: «Что бы вы стали делать с этим недорослем? Смехо-

творная идея! Могу предложить вам партию женщин, чтобы способствовать повышению вашего престижа – но по поводу Берана распоряжения будут отданы сегодня же».

Улыбаясь, Палафокс смотрел куда-то в сумрачное небо: «Вы боитесь, что в чьих-то руках Беран может послужить оружием против вас. Вы хотите заранее избавиться от возможных конкурентов».

«Было бы нелепо отрицать, что я предусмотрителен».

Палафокс продолжал смотреть в небо: «Вам не нужно его опасаться. Он ничего не запомнит».

«Почему вы им заинтересовались?» – полюбопытствовал Бустамонте.

«Считайте это прихотью».

«Не могу удовлетворить вашу прихоть», – сухо сказал Бустамонте.

«Быть моим союзником выгоднее, чем моим врагом», – тихо заметил лорд Палафокс.

Бустамонте замер. Лицо его озарилось внезапным дружелюбием, он кивнул: «Возможно, мне придется с вами согласиться. В конце концов, малолетний наследник вряд ли причинит мне какие-нибудь неприятности... Пойдемте, я проведу вас к Берану – посмотрим, как он отнесется к вашему предложению».

Переваливаясь на коротких ногах, Бустамонте направился ко входу в павильон. Едва заметно улыбаясь, Палафокс последовал за ним.

Задержавшись на крыльце, Бустамонте что-то тихо сказал капитану мамаронов, после чего зашел внутрь. Палафокс тоже задержался рядом с высоким черным нейтралоидом. Убедившись в том, что Бустамонте его не слышит, раскольник обратился к мамарону – чтобы взглянуть в лицо великану, ему пришлось откинуть голову назад: «Если бы я снова сделал тебя настоящим мужчиной, как бы ты мне за это отплатил?»

Глаза мамарона загорелись, мышцы напряглись под сплошной черной татуировкой. Нейтралоид ответил странным мягким голосом: «Как бы я тебе отплатил? Я раздавил бы тебя, расплющил бы твой череп. Я больше, чем мужчина – больше, чем четверо мужчин. Почему бы я хотел возвращения моей слабости?»

«А! – подивился Палафокс. – Теперь у тебя нет никаких слабостей?»

«Есть, – вздохнул мамарон. – У меня есть изъян». Его зубы сверкнули плотоядной усмешкой: «Мне доставляет наслаждение возможность убивать. Меня хлебом не корми – дай задушить тщедушного бледного недоноска!»

Палафокс отвернулся и зашел в павильон.

За ним закрылась дверь. Раскольник обернулся. За толстой прозрачной панелью двери на него неотрывно смотрел капитан мамаронов. Палафокс обвел взглядом другие входы в павильон – всюду стояли бдительно следившие за ним мамароны.

Бустамонте сидел в любимом кресле Айелло, обтянутом черной кожей с мягкой набивкой. Он набросил на плечи черную мантию – непроглядно-черную мантию повелителя мира.

«Удивительные вы люди, раскольники! – заметил айудор-регент. – Ваша дерзость поразительна! Вы беспечно подвергаете себя отчаянной опасности!»

Палафокс серьезно покачал головой: «Мы не так безрассудны, как может показаться. У наставника всегда под рукой средства самозащиты».

«Вы имеете в виду так называемые чары?»

Палафокс снова покачал головой: «На самом деле мы не волшебники. Но в нашем распоряжении есть оружие, нередко застающее противника врасплох».

Бустамонте оценивающе разглядывал серо-коричневую робу, явно не позволявшую скрывать что-либо существенное: «Каково бы ни было ваше оружие, оно не бросается в глаза».

«Надеюсь, что нет».

Бустамонте запахнулся в черную мантию: «Давайте говорить без обиняков».

«Давайте».

«Я контролирую Пао. Следовательно, я – панарх. Что вы на это скажете?»

«Скажу, что такой вывод практически целесообразен. Если теперь вы передадите мне Берана, я улечу с ним с вашей

планеты и предоставлю вам возможность беспрепятственно выполнять многочисленные государственные обязанности».

Бустамонте мотал головой: «Невозможно!»

«Почему же? Вполне возможно».

«Учитывая мои цели – невозможно. Паоны требуют непрерывности престолонаследия и соблюдения традиций. В глазах населения Беран должен рано или поздно стать панархом. Значит, он должен умереть прежде, чем весть о гибели Айелло станет достоянием гласности».

Палафокс задумчиво погладил тонкий черный ус: «В таком случае вы опоздали».

Бустамонте оцепенел: «О чем вы говорите?»

«Разве вы не слышали передачу из Эйльжанра? Диктор как раз об этом говорит».

«Откуда вы знаете?» – не понимал Бустамонте.

Раскольник указал на регулятор громкости в ручке кресла панарха: «У вас есть радио – можете проверить».

Бустамонте передвинул ползунок на ручке кресла. Из громкоговорителя в стене послышался голос, полный напускного пафоса: «Плачьте, паоны! Скорбите, миллиарды! Великий Айелло, благородный панарх, нас покинул! Увы, увы, увы! Ошеломленные горем, мы обращаем взоры в безмолвные небеса; наша единственная надежда, наше единственное утешение в эту трагическую минуту – Беран, отважный новый панарх! Да будет его правление таким же стабильным, неизменным и славным, как правление незабвен-

ного Айелло!»

Бустамонте набычился в кресле, как маленький черный хищник, загнанный в угол: «Как это просочилось?»

«Я сам передал эти новости», – с демонстративной беззаботностью отозвался Палафокс.

Глаза регента сверкнули: «Когда вы это сделали? За вами постоянно наблюдали!»

«У наставников Раскольного института есть свои маленькие секреты».

Из стены продолжал доноситься заунывный голос: «Действуя по приказу панарха Берана, мамароны незамедлительно субаквировали преступников, ответственных за убийство. Айудор Бустамонте верно служит новому панарху и делает все необходимое для поддержания равновесия, справедливости и благоденствия».

Бустамонте кипел неприкрытой злобой: «Думаешь, меня так легко провести?» Он подал знак мамаронам: «Ты хотел, чтобы Беран к тебе присоединился? Так тому и быть, вы будете вместе – в жизни и, как только забрезжит рассвет, в смерти!»

У Палафокса за спиной стояли охранники. «Обыщите мерзавца! – бушевал Бустамонте. – Ищите внимательно, ничего не пропустите!»

Охранники подвергли раскольника самому тщательному обыску, прощупывая и осматривая каждую пядь его одежды; при этом его достоинству не уделялось никакого внимания –

его уже считали арестантом-смертником.

Тем не менее, мамаронам не удалось ничего найти – никаких устройств, никакого оружия, вообще ничего. Бустамонте наблюдал за обыском с бесстыдным любопытством; отсутствие результатов, по-видимому, его разочаровало.

«Как же так? – издевался он. – Ты же у нас чародей из Раскольного института! Где твои потайные механизмы, твои хваленые принадлежности, твои фокусы со вспышками энергии?»

Палафокс, безропотно подчинившийся обыску, вежливо ответил: «Увы, Бустамонте, я не могу ответить на ваш вопрос».

Бустамонте хрипло рассмеялся и подал знак охране: «Отведите его в камеру».

Нейтралоиды подхватили раскольника под руки.

«Одно последнее замечание, – сказал Палафокс. – Советую его выслушать, ибо в этом мире, скорее всего, вы меня больше не увидите».

«Не сомневаюсь», – согласился Бустамонте.

«Я прилетел на Пао по вызову Айелло. Он хотел заключить со мной контракт».

«Хорошо, что его подлый план провалился!» – заметил регент.

«Мы просто-напросто намеревались взаимовыгодно обменяться излишками, удовлетворяя наши потребности, – продолжал Палафокс. – У панарха была возможность сокра-

тить численность населения в обмен на мои познания».

«А у меня нет времени заниматься туманными рассуждениями», – оборвал его Бустамонте и нетерпеливым жестом приказал охранникам увести арестованного. Те потащили раскольника к выходу.

«Дайте мне закончить», – спокойно потребовал Палафокс. Мамароны не обратили внимания на его слова. Раскольник слегка напрягся, и нейтралоиды с воплями отскочили от него.

«Что такое?» – опасливо приподнявшись, закричал Бустамонте.

«Он горит! Он нас обжег!»

Палафокс продолжал, не повышая голос: «Как я уже упомянул, мы больше не встретимся на Пао. Но я вам еще понадоблюсь – и сделка, которую хотел заключить со мной Айелло, покажется вам вполне приемлемой. Когда это произойдет, вам придется явиться ко мне на Раскол». Он поклонился регенту и повернулся к охранникам: «Пойдемте, здесь больше нечего делать».

4

Беран сидел, положив подбородок на подоконник, и смотрел в ночную тьму. Прибой бледно фосфоресцировал на берегу, в небе гигантской холодной россыпью висели звезды; больше ничего не было видно.

Комната на верхнем этаже башни производила унылое впечатление. Окно, вделанное в стену из белесого стекловолокна, было застеклено толстой панелью прозрачного клеакса; закрытая на замок дверь настолько плотно соединялась с рамой, что шов нельзя было даже нащупать. Беран понимал, что его держали в заключении.

Снизу слышались тихие звуки – приглушенное хриловатое уханье смеха нейтралоидов. Беран знал, что они смеялись над ним – над позорным концом его существования. Слезы навернулись ему на глаза – но, подобно другим паонезским детям, он не проявлял эмоции агрессивно.

За дверью слышались шаги. Прожужжал замок, дверь отодвинулась в сторону. В проеме стояли два нейтралоида, а между ними – лорд Палафокс.

Беран с надеждой направился им навстречу, но враждебные взгляды мамаронов остановили его. Нейтралоиды толкнули Палафокса в камеру. Дверь закрылась, замок снова прожужжал. Беран стоял посреди комнаты, подавленный и беспомощный.

Палафокс смотрел по сторонам – судя по всему, он мгновенно оценил каждую деталь обстановки. Приложив ухо к двери, он прислушался, после чего тремя широкими упругими шагами приблизился к окну. Выглянув в окно, он не заметил ничего, кроме светящегося прибора и звезд. Раскольник прикоснулся языком к чувствительному участку с внутренней стороны щеки; у него в голове – во внутреннем ухе – зазвучал едва слышный голос диктора из Эйльжанра: «Вести от айудора Бустамонте с острова Перголаи: слушайте, слушайте! Происходят важные события! Во время предательского нападения на панарха Айелло пострадал и медаллион – ему нанесена тяжелая травма, врачи считают, что он вряд ли выживет! За его состоянием неотрывно наблюдают лучшие врачи Пао. Айудор Бустамонте призывает все голоса объединиться в гимне надежды на выздоровление наследника!»

Палафокс выключил приемник, снова прикоснувшись языком к щеке, повернулся к Берану и поманил его пальцем. Беран приблизился. Наклонившись, Палафокс прошептал ему на ухо: «Мы в опасности. Каждое слово прослушивается. Ничего не говори – только наблюдай за мной и не медли, когда я подам знак!»

Беран кивнул. Палафокс снова стал осматривать камеру, тщательнее, чем раньше. Пока он этим занимался, небольшая часть двери стала прозрачной, и кто-то заглянул в образовавшийся глазок.

Палафокса охватило внезапное раздражение – он поднял

было руку, но сдержался. Вскоре надзиратель ушел, и стекловолокну двери снова стало матово-белым.

Чародей быстро подошел к окну и вытянул указательный палец. Из пальца вырвался тонкий, как игла, светящийся луч, быстро, с тихим шипением резавший толстый клеакс. Стекло выпало и, прежде, чем Палафокс успел его подхватить, исчезло в темноте.

Палафокс прошептал: «Сюда! Скорее!» Беран колебался. «Скорее! – шептал раскольник. – Ты хочешь жить? Забирайся мне на спину, живо!»

Снизу послышались голоса и топот – они становились громче.

Уже через мгновение дверь отодвинулась; в проеме стояли три мамарона. Несколько секунд они озирались по сторонам, после чего подбежали к окну. Им в лица дул свежий ночной ветер.

Капитан отвернулся от окна: «Вниз, ищите их! Если они сбежали, на рассвете все мы будем дышать морской водой!»

Обыскав сады и сооружения острова, нейтралоиды не нашли, однако, никаких следов Палафокса или Берана. Стоя под звездами, мамароны спорили тихими мягкими голосами, и через некоторое время приняли решение. Их голоса смолкли; чернее ночи, охранники сами растворились во мраке – их больше никто не видел.

5

«Любое множество личностей – независимо от его многочисленности или малочисленности, от того, насколько разнороден или однороден его состав, и от того, насколько твердо эти люди убеждены в достоверности и справедливости объединяющих их принципов или заповедей – рано или поздно оказывается подразделенным на меньшие группы, придерживающиеся различных версий некогда общего вероучения или мировоззрения; впоследствии эти подмножества делится на еще меньшие подгруппы, и в конечном счете каждый человек – в том, что касается убеждений – остается наедине с самим собой, и даже он сам испытывает внутренние противоречия».

– *Адам Освальд, «Человеческое общество»*

Несмотря на то, что их было пятнадцать миллиардов, паоны представляли собой самую однородную группу, какую можно было найти в населенной человеком части Вселенной. Тем не менее, даже на Пао характеристики, общие для всего населения, воспринимались как должное, и только различия, какими бы незначительными они не казались постороннему наблюдателю, привлекали пристальное внимание.

Соответственно, уроженцев Минаманда – и в особенности жителей Эйльжанра, столицы этого континента и все-

го Пао – считали людьми любезными и легкомысленными. Фермеров Хиванда – самого плоского, лишённого топографических контрастов континента – считали олицетворениями буколической наивности. Жители Нонаманда, сурового южного континента, заслужили репутацию прижимистых упрямец, стойчески переносящих удары судьбы, тогда как садоводов, виноградарей и виноделов Видаманда считали людьми щедрыми и благодушными.

На протяжении многих лет Бустамонте культивировал и содержал сеть тайных доносчиков, распределённую по восьми континентам. Теперь, рано утром, прогуливаясь под ажурными арками галереи виллы панарха на острове Перголаи, он не находил себе места от беспокойства. С его точки зрения, события не складывались наилучшим образом. Только на трёх из восьми континентов – в Видаманде, Минаманде и Дронаманде – его, по всей видимости, признавали фактическим панархом. Из Айманда, Шрайманда, Нонаманда, Хиванда и Импланда агенты сообщали о растущей волне непокорности.

Не было никаких открытых призывов к восстанию, никаких демонстраций, никаких публичных собраний. Недовольство паонов выразилось в угрюмой неприветливости и нерасторопности, в снижении эффективности общественных служб, в отсутствии стремления к сотрудничеству даже среди государственных служащих. В прошлом такие ситуации нередко приводили к экономическому развалу и к сме-

не династии.

Размышляя о своем положении. Бустамонте нервно пощелкивал костяшками пальцев. Решения, уже принятые на данный момент, были бесповоротны. Медаллион должен был умереть, а с ним и чародей с Раскола.

Солнце взошло – их уже можно было казнить надлежащим образом.

Бустамонте спустился в приемный зал на первом этаже и подозвал часового-мамарона: «Капитана Морнуна ко мне!»

Прошло несколько минут. Нейтралоид вернулся.

«Где Морнун?» – поинтересовался Бустамонте.

«Капитан Морнун и два рядовых из его взвода покинули Перголаи».

Бустамонте ошеломленно повернулся на каблуках: «Покинули Перголаи?»

«Так мне передали».

Несколько секунд регент изучал физиономию охранника, после чего вышел на крыльцо и взглянул на башню. «Пошли!» – подозвал он мамарона и поспешил к лифту. Бустамонте и часовой быстро поднялись на верхний этаж. Регент промаршировал по коридору к камере, заглянул в смотровое окно. Яростно откатив дверь в сторону, он подбежал к окну.

«Все ясно! – бушевал Бустамонте. – Беран сбежал. Наставник сбежал. Они оба в Эйльжанре. Начнутся беспорядки».

Стоя у окна, он смотрел куда-то в морскую даль. Наконец он повернулся к охраннику: «Тебя зовут Андрад?»

«Хессенден Андрад».

«Отныне ты – капитан Андрад. Ты заменишь Морнуна».

«Хорошо».

«Мы возвращаемся в Эйльжанр. Займись приготовлениями».

Бустамонте спустился на террасу и присел за столик, приказав подать стаканчик коньяка. Палафокс явно собирался сделать из Берана панарха. Паоны любили молодого медаллиона и требовали, чтобы регент обеспечил традиционное престолонаследие; любой другой вариант противоречил их потребности в сохранении привычного распорядка жизни. Берану достаточно было только появиться в Эйльжанре, чтобы торжествующая толпа провела его к Большому дворцу и облачила в непроглядно-черную мантию власти.

Бустамонте опрокинул коньяк в глотку. Что ж, его план провалился! Айелло умер. Бустамонте никак не мог доказать, что убийственный шприц воткнула в шею панарха рука его сына. Кроме того, разве айудор не казнил трех меркантильских торговцев, обвиненных в том же преступлении?

Что делать? По сути дела, оставалось только приехать в Эйльжанр и надеяться на то, что ему удастся удержаться на посту айудора-регента, опекуна Берана. Если Палафокс не слишком жестко контролировал подростка, Беран, скорее всего, согласится забыть кратковременное заключение –

а если Палафокс окажет сопротивление, существовали способы от него избавиться.

Бустамонте поднялся на ноги. Обратно в столицу, снова притворяться смиренным служителем панарха! Ничего не поделаешь! Он провел много лет, подлизываясь к Айелло – в этом отношении у него накопился обширный и полезный опыт.

На протяжении нескольких следующих часов и дней Бустамонте столкнулся с несколькими неожиданностями, вызывавшими у него возрастающее замешательство.

Прежде всего он обнаружил, что ни Палафокс, ни Беран не появлялись в Эйльжанре; более того, их никто не видел на всей планете. Сначала Бустамонте вел себя предельно осторожно, как человек, продвигающийся на ощупь, но постепенно ему становилось все легче дышать. Не постигла ли ненавистную парочку какая-нибудь непредвиденная катастрофа? Может быть, Палафокс похитил наследника престола по каким-то причинам, известным ему одному?

Сомнения, сомнения, как они неудобны! Пока Бустамонте не был уверен в смерти Берана, он не мог беспрепятственно пользоваться прерогативами панарха. Те же сомнения заражали умы огромных масс населения Пао. Ежедневно их непокорность становилась все более осязаемой. Доносчики сообщали регенту, что его повсюду величали не иначе, как «Бустамонте Берельо». «Берельо» – типично паонезское прозвище; первоначально так называли неквалифицирован-

ных подсобных рабочих на скотобойнях, но со временем так стали отзываться о людях, склонных причинять другим мучения и неприятности.

Внутренне Бустамонте бесился, но утешал себя показной стойкостью, надеясь, что в конечном счете население волей-неволей признает его панархом – или что Беран рано или поздно появится, чтобы положить конец слухам и умереть, как полагается.

Затем наступило второе тревожное потрясение.

Посол Меркантиля вручил Бустамонте ноту, осуждавшую паонезское правительство в самых сильных выражениях за осуществленную без суда и следствия расправу над тремя торговыми представителями; кроме того, посол заявил о разрыве любых коммерческих отношений между двумя планетами вплоть до уплаты надлежащей суммы компенсации и назвал эту сумму – настолько большую, что она вызвала истерический смех даже у правителя Пао, способного походя, одним мановением руки, отправить на тот свет сто тысяч человек.

Бустамонте надеялся заключить договор о поставке новых вооружений. Он собирался предложить исключительно высокую цену за предоставление ему исключительного права на использование самого передового оборудования. Нота, врученная послом Меркантиля, не оставила никаких надежд на подписание такого договора.

Третье потрясение было самым катастрофическим и,

по сути дела, отнесло первые две неожиданности к категории мелких неприятностей.

Захватив первенство в борьбе с десятками неутомимых конкурентов, клан Брумбо, правителей планеты Топогнус, нуждался в славной и прибыльной победе с тем, чтобы окончательно укрепить свое положение. Поэтому Эван Бузбек, гетман клана Брумбо, собрал флотилию из сотни кораблей, набил их головорезами и отправился грабить большую и плодородную планету Пао.

Возможно, Бузбек планировал лишь кратковременную вылазку; возможно, его бойцы надеялись, высадившись, броситься в бешеную атаку, схватить все то добро, что плохо лежало, и убраться подобру-поздорову. Однако, преодолев орбитальное кольцо установок заградительного огня, топогнусские разбойники встретили лишь номинальное сопротивление, а в Видаманде, на самом непокорном континенте, их даже приветствовали. Такой успех превзошел их самые смелые ожидания.

Десять тысяч бойцов Эвана Бузбека высадились в До-наспаре, крупнейшем городе Шрайманда; местные жители не возражали. Через шесть дней после прибытия на Пао Бузбек вошел в Эйльжанр. Обитатели столицы угрюмо провожали глазами торжествующий парад завоевателей, но никто не оказывал сопротивления, даже когда оккупанты отнимали у паонов имущество и насиловали их женщин. Паоны не любили воевать; не привлекала их и перспектива организации

партизанского движения в тылу противника.

6

До сих пор существование Берана, наследника панарха Айелло, нельзя было назвать богатым событиями. Благодаря тщательно разработанной диете и питанию по расписанию, он никогда не голодал и не любил чем-нибудь лакомиться. Его игры контролировались целым отрядом профессиональных гимнастов и рассматривались как необходимые «физические упражнения», в связи с чем развлечения не вызывали у него особого интереса. Его мыли, причесывали и холили; с его пути немедленно удаляли любые препятствия, его предохраняли от любых опасностей; он никогда не сталкивался с трудностями – торжество победы было ему незнакомо.

Сидя на плечах Палафокса, шагнувшего из окна в ночную тьму, Беран подумал на мгновение, что спит и видит кошмарный сон. Внезапно наступила невесомость – они падали! У Берана все внутри похолодело, перехватило дыхание. Он зажмурился и вскрикнул от страха. Они падали все ниже, ниже и ниже – когда это кончится, когда наступит удар?

«Тихо!» – коротко сказал Палафокс.

Беран открыл глаза, моргнул, посмотрел под ноги. Освещенное окно осталось внизу, и оно уменьшалось. Они не падали – они поднимались! Они уже были выше павильона, выше башни! Они воспаряли к звездам ночного неба, плавно

и бесшумно, как пузырьки, всплывающие из глубины вод! В конце концов Беран убедился в том, что не спит – благодаря волшебству чародея-раскольника они парили в воздухе, легкие, как пушинки. Страх уступал место удивлению; Беран заглянул чародею в лицо: «Куда мы летим?»

«Вверх – туда, где я оставил корабль».

Беран с тоской взглянул на павильон, мерцавший огнями подобно фантастическому морскому анемону на дне океана ночи. Беран не хотел возвращаться, но испытывал неопределенное сожаление. Прошло минут пятнадцать – они продолжали подниматься в небо, и павильон превратился в смутное цветное пятнышко где-то далеко внизу.

Палафокс расправил пальцы левой руки; сигналы, генерированные радиолокационной сеткой в его ладони, отразились от поверхности земли и вернулись, преобразовавшись в нервный стимул. Палафокс решил, что они находились достаточно высоко и, прикоснувшись языком к одной из пластинок, вживленных в ткань щеки, произнес односложную команду.

Прошло несколько долгих секунд – Палафокс и Беран реяли в ночном небе подобно призракам. Сверху появился продолговатый черный силуэт, затмивший звезды. Силуэт увеличился, приблизился почти вплотную – Палафокс взялся за наружный поручень корпуса, подтянулся ко входному люку, протолкнул Берана в шлюзовую камеру, последовал за ним и закрыл люк.

Внутри корабля приглушенно горели светильники.

Слишком ошеломленный для того, чтобы интересоваться происходящим, Беран бессильно опустился на скамью. Палафокс поднялся на площадку носовой рубки и переключил пару клавиш. Ночное небо в иллюминаторах сменилось непроницаемой серой мглой, и Беран почувствовал, как по всему телу пробежал холодок – они летели в подпространстве.

Спустившись с площадки, Палафокс смерил Берана бесстрастным оценивающим взглядом. Беран не мог заставить себя встретиться с ним глазами.

«Куда мы летим?» – снова спросил Беран – не потому, что его это на самом деле интересовало, а потому, что он не знал, что еще можно было сказать.

«На Раскол».

Сердце Берана сжалось странным предчувствием: «Почему я должен лететь на Раскол?»

«Потому что теперь ты – панарх. Если бы ты остался на Пао, тебя убили бы по приказу Бустамонте».

Беран понимал, что чародей говорил правду. Осмелившись взглянуть на Палафокса, он увидел человека, ничем не напоминавшего молчаливого незнакомца за столом в павильоне Айелло. Этот Палафокс был высок, величественно прям, полон не находящей выхода энергии подобно демону, пышущему внутренним огнем. Чародей! Чародей с Раскола!

Палафокс продолжал разглядывать Берана: «Сколько тебе

лет?»

«Девять».

Палафокс погладил длинный подбородок: «Лучше всего сразу сообщить тебе, что от тебя ожидается. По существу, план очень прост. Ты будешь жить на Расколе и посещать Институт. Ты будешь на моем попечении. Когда наступит время, ты сослужишь мне службу, как один из моих сыновей».

«У вас есть сыновья моего возраста?» – с надеждой спросил Беран.

«У меня много сыновей! – с мрачной гордостью заявил Палафокс. – Сотни сыновей!» Заметив замешательство Берана, раскольник сухо рассмеялся: «Ты еще многого не понимаешь... Что ты на меня уставился?»

«Если у вас так много детей, – извиняющимся тоном пролепетал Беран, – значит, вы, наверное, гораздо старше, чем кажется с первого взгляда».

Лицо Палафокса поразительно изменилось. Щеки его побавровели, глаза блеснули, как разбитое стекло. Медленно, ледяным тоном, чародей произнес: «Я не стар. Никогда не делай таких замечаний. Говорить о возрасте наставника Раскольного института не подобает!»

«Прошу прощения! – с трепетом выдавил Беран. – Я думал...»

«Неважно! Ты устал – пойдем, я отведу тебя спать».

Проснувшись, Беран с удивлением обнаружил, что лежит на койке в небольшой каюте, а не в привычной кровати из черного дерева с розовым покрывалом. Поразмышляв о своем нынешнем положении, он несколько приободрился. Будущее представлялось по меньшей мере любопытным – причем, когда он вернется на Пао, в его распоряжении будут все тайные чары Раскола!

Поднявшись, он позавтракал в компании Палафокса – тот, судя по всему, был в прекрасном настроении. Набравшись храбрости, Беран позволил себе задать еще несколько вопросов: «Вы и вправду чародей?»

«Я не умею творить чудеса, – ответил раскольник. – За исключением, пожалуй, чудес, происходящих в уме».

«Но вы умеете парить в воздухе! Вы выпускаете из пальца огненный луч!»

«Это доступно любому другому наставнику».

Как замороженный, Беран разглядывал продолговатое лицо с ястребиным носом: «Значит, вы все чародей?»

«Ни в коем случае! – воскликнул Палафокс. – Наши возможности – результат модификации организма. Я в высшей степени модифицирован».

К трепетному почтению Берана примешалось сомнение: «Мамароны тоже модифицированы, но...»

Палафокс по-волчьи ослабил: «Самое неподходящее сравнение! Мамароны умеют парить в воздухе?»

«Нет».

«У нас нет ничего общего с нейтралоидами, – решительно заявил Палафокс. – Наши модификации приумножают, а не ограничивают возможности организма. Под кожей моих ступней вживлены сетчатые левитационные контуры. Радиолокационные приемопередатчики в моей левой ладони, в затылке и во лбу придают мне шестое чувство. Я вижу три инфракрасных цвета и четыре ультрафиолетовых. Я слышу радиоволны. Я могу дышать под водой и не дышать в космической пустоте. Вместо кости в моем указательном пальце – проекционная трубка, генерирующая излучение желаемой частоты и желаемой мощности, по моему усмотрению. У меня есть ряд других принадлежностей, и все они обеспечиваются энергией из силового блока, вживленного в грудь».

Некоторое время Беран молчал, после чего робко спросил: «А меня на Расколе тоже модифицируют?»

Палафокс посмотрел на Берана так, словно тот сформулировал неожиданно удачную новую идею: «Если ты будешь в точности выполнять мои указания».

Беран отвернулся: «Что мне придется делать?»

«В данный момент тебе еще незачем об этом беспокоиться».

Беран подошел к иллюминатору – но снаружи не было видно ничего, кроме пульсирующей темными разводами серой мглы подпространства.

«Сколько еще лететь до Раскола?» – спросил он.

«Недолго... Отойди от иллюминатора. Наблюдение под-

пространства может нанести ущерб чувствительному мозгу».

Индикаторы на панели управления озарились трепетным светом; космический корабль слегка вздрогнул.

Палафокс поднялся в рубку, окруженную прозрачным куполом: «Вот он, Раскол!»

Беран встал рядом с ним, поднялся на цыпочки и увидел серую планету, а за ней – маленькое белое солнце. Вскоре за обшивкой послышался свист верхних слоев атмосферы, и поверхность планеты стала обширной.

Беран заметил горы – горы невероятной высоты: опоясанные ледниками, увенчанные снегами пики высотой пятьдесят или шестьдесят километров, влачившие длинные шлейфы тумана. Корабль проскользнул над серо-зеленым океаном, испещренным скоплениями плавучих водорослей, после чего снова полетел над утесами.

Наконец полет замедлился – корабль нырнул в гигантское ущелье с отвесными каменными стенами; дно ущелья скрывалось в дымчатой мгле. Впереди, на обширной, как степь, крутой каменной стене можно было различить ничтожный серовато-белый нарост. По мере приближения корабля нарост превратился в небольшой городок, приютившийся на краю горного уступа. Приземистые строения из плавленого камня с плоскими рыжевато-коричневыми крышами словно выросли в скалу, а некоторые, соединенные стволами наружных шахт подъемников, спускались гроздьями вдоль

вертикальной поверхности утеса. Городок производил мрачно-ватое впечатление и не внушал почтения размерами.

«Это и есть Раскол?» – спросил Беран.

«Это Раскольный институт».

Беран был несколько разочарован: «Я ожидал чего-то другого».

«Мы не нуждаемся в претенциозной архитектуре, – заметил Палафокс. – В конце концов, наставников не так уж много, и мы редко встречаемся».

Беран начал было говорить, но придержал язык, опасаясь снова коснуться какой-нибудь запретной темы. Наконец он осторожно спросил: «А ваши сыновья живут с вами?»

«Нет, – коротко ответил Палафокс. – Они посещают Институт – так заведено».

Корабль медленно опускался; индикаторы на панели управления трепетали, как живые, подпрыгивающими столбиками огоньков.

Глядя на чудовищную пропасть с голыми каменными стенами, Беран с тоской вспомнил плодородные поля, цветущие сады и синие моря родной планеты. «Когда я вернусь на Пао?» – с внезапной тревогой спросил он.

Палафокс, отвлеченный размышлениями, рассеянно отозвался: «Когда возникнут подходящие условия».

«А когда они возникнут?»

Палафокс бросил на мальчика быстрый взгляд: «Ты хочешь быть панархом Пао?»

«Да! – решительно сказал Беран. – Если только меня модифицируют».

«Вполне возможно, что твои надежды сбудутся. Но не забывай о том, что получающий дары должен давать взамен что-то равноценное».

«И что я должен отдать?»

«Об этом мы поговорим позже».

«Бустамонте не обрадуется моему возвращению, – уныло произнес Беран. – Мне кажется, что он тоже хочет быть парнахом».

Палафокс рассмеялся: «У Бустамонте забот полон рот. Благодарю судьбу за то, что он занимается своими проблемами, а не тобой».

Проблем у Бустамонте было хоть отбавляй. Его мечты о величии и славе рассыпались в прах. Вместо того, чтобы править восемью континентами и устраивать роскошные приемы в Эйльжанре, ему приходилось довольствоваться отрядом из дюжины мамаронов, тремя наименее привлекательными из наложниц и десятком испуганных и недовольных министров. Власть его ограничивалась пределами дальнего селения, затерянного среди дождливых горных лугов южного Нонаманда; дворцом ему служил деревенский трактир. Даже этими привилегиями он пользовался исключительно благодаря попустительству разбойников Брумбо, наслаждавшихся плодами завоевания и не испытывавших особого желания тратить время на поиски и уничтожение Бустамонте.

Прошел месяц. Бустамонте терял терпение. Он колотил наложниц и устраивал разносы приспешникам. Горные пастухи перестали появляться в селении; трактирщик и прочие местные жители с каждым днем становились все молчаливее. В один прекрасный день Бустамонте, проснувшись, обнаружил, что деревня опустела, и что на окрестных лугах больше не паслись тучные стада.

Бустамонте отправил половину своих нейтралоидов добывать пропитание, но они не вернулись. Министры открыто

обсуждали планы возвращения в более гостеприимные края. Бустамонте спорил с ними и обещал им всевозможные блага, но паонезские умы, однажды утвердившиеся в том или ином мнении, плохо поддавались переубеждению.

Рано утром очередного дождливого дня дезертировали остававшиеся нейтралоиды. Наложницы отказывались пошевелить пальцем – простуженные, они сидели, сбившись тесной кучкой, и шмыгали носами. До полудня непрерывно шел холодный дождь; в трактире стало сыро. Бустамонте приказал Эсту Коэльо, министру межконтинентальных перевозок, сходить за дровами и развести огонь в камине, но Коэльо не выразил ни малейшего желания прислуживать регенту. Бустамонте взорвался угрозами, чиновники упорствовали; в конечном счете вся компания министров отправилась под дождем к побережью, где находился портовый город Спирианте.

Три женщины встрепнулись, посмотрели в окно вслед уходящим министрам, после чего одновременно, подстегнутые одним и тем же побуждением, опасно покосились на Бустамонте. Тот не терял бдительности. Заметив выражение на лице регента, наложницы вздохнули и тихо застонали.

Ругаясь и пыхтя, Бустамонте разломал мебель трактирщика и разжег в камине ревущий огонь.

Снаружи слышались звуки – нестройный хор жалобных восклицаний и дикие вопли: «Рип-рип-рип!»

У Бустамонте душа ушла в пятки, его челюсть отвисла.

Он узнал охотничий клич Брумбо.

По дороге, спотыкаясь, бежали с горных лугов обратно в деревню министры. У них над головами летели на аэроциклах разбойники из клана Брумбо – с издевательской бранью и гиканьем они гнали перед собой министров, словно стадо испуганных овец. Завидев высунувшегося наружу Бустамонте, они торжествующе заорали, мигом спустились ко входу в трактир и соскочили с седел: каждый хотел первым схватить Бустамонте за шиворот.

Бустамонте отступил внутрь, готовый умереть, не поступаясь достоинством. Он вынул из-за пояса шипострел; инопланетные бандиты не посмели войти – умирать им было несподручно.

К трактиру подлетел Эван Бузбек собственной персоной – лопоухий жилистый коротышка с длинными соломенными волосами, перевязанными на манер «конского хвоста». Полозья его аэроцикла со скрежетом проехали по булыжной мостовой, рассыпая искры; дюзы вздохнули и погасли, шипя и потрескивая под дождем.

Бузбек растолкал хнычущих министров и быстрыми шагами направился ко входу, чтобы схватить Бустамонте за загривок и заставить его опуститься на колени. Бустамонте отступил вглубь помещения и прицелился, но телохранители Бузбека оказались проворнее – сработали оглушители, и волна сжатого воздуха отшвырнула регента, налетевшего спиной на стену. У Бустамонте потемнело в глазах. Бузбек

взял его за шиворот, выволок на улицу и сбросил пинком в грязь.

Дрожа от бессильной ярости, Бустамонте медленно поднялся на ноги.

Эван Бузбек подал знак. Бустамонте схватили, закатали в сеть и связали ремнями. Без дальнейших слов топогнусские разбойники вскочили в седла и взвились в небо – Бустамонте раскачивался под ними в сети, как свинья, совершающая последний путь на бойню.

В Спирианте топогнусцы перешли в воздушный корабль, похожий на огромную перевернутую миску. Бустамонте, истрепанный порывами ветра и полумертвый от холода, свалился на палубу и не помнил, как его привезли в Эйльжанр.

Корабль приземлился на дворе Большого дворца; Бустамонте протасили по разграбленным залам и заперли в спальне.

На следующее утро его разбудили две служанки. Они смыли с него грязь, одели в чистый костюм, принесли еду и питье.

Еще через час дверь спальни распахнулась: топогнусский вояка знаком приказал регенту следовать за собой. Бустамонте вышел – бледный, нервничающий, но еще не смирившийся.

Его привели в утреннюю гостиную, откуда открывался вид на знаменитый дворцовый флорариум. Здесь его ждал Эван Бузбек, окруженный группой приближенных родствен-

ников; присутствовал также переводчик-меркантилец. Гетман был явно в прекрасном настроении и весело кивнул вошедшему Бустамонте. Он произнес несколько отрывистых слов на топогнусском наречии.

Меркантилец перевел: «Эван Бузбек надеется, что вы неплохо выпались».

«Что ему от меня нужно?» – прорычал Бустамонте.

Коммерсант передал гетману сообщение регента. Бузбек ответил длинной тирадой. Меркантилец внимательно выслушал его и повернулся к Бустамонте: «Эван Бузбек возвращается на Топогнус. Он считает, что паоны строптивы и бесполезны. Они отказываются сотрудничать, хотя потерпели поражение».

Бустамонте несколько не удивился такому выводу.

«Эван Бузбек разочаровался в Пао. Он говорит, что ваши люди ведут себя, как черепахи – не защищаются, но игнорируют приказы. Завоевание не принесло ему удовлетворения».

Набычившись, Бустамонте сверлил глазами варвара с соломенным конским хвостом на затылке, развалившегося в священном черном кресле панарха.

«Покидая вашу планету, Эван Бузбек назначает вас панархом Пао. За эту милость вы должны ежемесячно, на протяжении всего срока вашего правления, выплачивать дань в размере миллиона марок. Согласны ли вы с таким условием?»

Бустамонте переводил взгляд с лица на лицо. Никто не смотрел ему в глаза, все изображали полное безразличие. Но бандиты казались полными странного напряжения, подобно бегунам-спринтерам, пригнувшимся у стартовой черты.

«Согласны ли вы с таким условием?» – повторил переводчик.

«Да», – пробормотал Бустамонте.

Меркантилец подтвердил его согласие. Эван Бузбек жестом выразил одобрение и поднялся на ноги. Его волынщик вставил в рот мундштуки дипломата, надул щеки и заиграл бодрый походный марш. Бузбек и его родня вышли из гостиной, даже не взглянув на Бустамонте.

Уже через час красный с черными обводами космический корвет Бузбека стрелой взвился в небо; к вечеру на всей планете не осталось ни одного топогнуца.

С огромным усилием заставляя себя не терять достоинство, Бустамонте облачился в мантию панарха и утвердился в этом звании. Освободившись от инопланетного ига, пятнадцать миллиардов его подданных больше не упрямылись – в этом отношении вторжение Брумбо оказалось выгодным для узурпатора.

Первые недели на Расколе привели Берана в уныние, даже в отчаяние. Вокруг не было никакого разнообразия – ни во внутренних помещениях, ни под открытым небом; все было одинакового серокаменного цвета различных оттенков яркости и насыщенности, всюду открывался один и тот же вид на туманные дали чудовищной пропасти. Ветер ревел беспрестанно, но разреженный воздух заставлял дышать часто и напряженно, отчего у Берана в горле не проходило кисло-жгучее ощущение. Он бродил по зыбким коридорам усадьбы Палафокса, как маленький бледный призрак, надеясь чем-нибудь развлечься, но не находя почти ничего любопытного.

Типичное жилище наставника Раскольного института, дом Палафокса висел гроздью корпусов-позвонков на хребте наружного лифта, спускавшегося вдоль отвесного утеса. На уступе утеса, в верхней части дома, были оборудованы кабинеты и лаборатории, куда Берану заходить не разрешалось – хотя он успел заметить краем глаза, что там работали какие-то чудесные сложные механизмы. Ниже располагались комнаты общего назначения с шершавыми полами из плавленого рыжевато-серого камня и темной полированной обшивкой стен. Кроме Берана, в них почти никто не бывал. Основанием усадьбы служило крупное, частично врезанное

в скалу кольцевое сооружение, практически изолированное от других помещений – как удалось впоследствии узнать Берану, там находились личные дортуары Палафокса.

В доме царила принужденно-неприветливая, аскетическая атмосфера; здесь не было никаких украшений, никаких развлекательных устройств. Никто не обращал на Берана никакого внимания, словно о его существовании забыли. Он ел, выбирая закуски из буфета в центральной столовой, и спал где попало, когда ему хотелось спать. Мало-помалу он стал узнавать шестерых мужчин, по-видимому работавших в доме Палафокса. Пару раз он замечал в нижних помещениях женщину. С Бераном никто не говорил, кроме Палафокса, но наставник появлялся редко.

На Пао различиям полов уделялось мало внимания – и мужчины, и женщины носили похожую одежду и пользовались примерно одинаковыми привилегиями. Здесь, на Расколе, эти различия подчеркивались. Мужчины носили костюмы в обтяжку из темной ткани и черные фуражки с узкими козырьками. На женщинах, лишь изредка попадававшихся на глаза, были развевающиеся, отделанные оборками юбки радующей глаз расцветки (единственные красочные пятна на фоне всевозможных оттенков серого), туго облегающие бюст блузки с глубокими декольте и тапочки, позвякивающие колокольчиками. Головных уборов у них не было, но волосы были искусно причесаны; все они были молоды и привлекательны.

Когда он больше не мог вытерпеть монотонное прозябание в доме, Беран выбрал одежду потеплее, поднялся на лифте и отправился на прогулку по уступу над пропастью. Пригнувшись навстречу беспощадному ветру, он заставил себя дойти до восточной окраины институтского городка, где открывался вид на бескрайнюю перспективу Бурной реки, струившейся к горизонту. В полутора километрах под уступом можно было заметить группу больших угловатых сооружений – автоматические фабрики. Над ними до самого серого неба возвышалась крутая скальная стена, а в дымке облаков маленькое белое солнце казалось блестящим оловянным диском, дрожащим и крутящимся под порывами ветра. Закутавшись поплотнее, Беран вернулся восвояси.

Через неделю он снова отважился выйти наружу, но на этот раз направился на запад, подгоняемый ветром в спину. Выплавленная в скале дорога извивалась среди приземистых удлинённых строений, напоминавших конструкцией дом Палафокса; от нее отходили под различными углами другие улицы. В конце концов Беран стал опасаться того, что заблудится и не сможет вернуться. Он остановился, разглядывая Раскольный институт – группу мрачноватых серых корпусов, спускавшихся ступенями по склону. Эти многоэтажные сооружения были значительно выше других построек городка и, соответственно, в большей степени подвергались нападению безжалостного ветра. На серых стенах Института виднелись многочисленные пепельно-черные и зеле-

новато-черные потеки – следы многолетней бомбардировки леденеющей слякотью.

Пока Беран стоял и смотрел на громоздкие ступенчатые корпуса, по дороге из Института стала подниматься группа подростков, на несколько лет старше Берана. Они повернули вверх по склону, вышагивая молчаливым строем – по всей видимости туда, где торчала диспетчерская башня космического порта.

«Странно!» – подумал Беран. Никто из подростков не озорничал и не смеялся. Паонезские дети бежали бы вприпрыжку с веселыми криками, раздавая друг другу пинки и подзатыльники.

Он нашел-таки дорогу обратно к усадьбе Палафокса, размышляя по пути об отсутствии на Расколе человеческого общения.

Новизна чужой планеты скоро поблекла, и Берана стали посещать острые приступы тоски по дому. Он сидел на жесткой софе у стены в столовой, бесцельно завязывая в узлы какой-то шнурок, чтобы провести время. Послышались шаги – Беран поднял голову. В помещение зашел Палафокс; он собирался пройти мимо, но остановился, заметив Берана: «Так что же, юный панарх Пао, как идут твои дела? Чем ты занимаешься?»

«Мне нечего делать».

Палафокс кивнул. Паоны не отличались склонностью

к трудоемким интеллектуальным упражнениям, и раскольник намеренно ожидал того момента, когда Беран соскучится достаточно, чтобы проявить интерес к таким занятиям.

«Нечего делать? – изобразил удивление Палафокс. – Что ж, это дело поправимое». Наставник притворился, что задумался: «Если ты хочешь посещать Институт, тебе придется научиться раскольному языку».

Беран вдруг огорчился и жалобно спросил: «А когда я вернусь на Пао?»

Палафокс торжественно покачал головой: «Сомневаюсь, что в данный момент тебе хотелось бы туда вернуться».

«Но мне хочется!»

Палафокс уселся рядом с Бераном: «Ты когда-нибудь слышал о клане Брумбо с планеты Топогнус?»

«Топогнус – маленькая планета, отделенная от Пао тремя солнечными системами; топогнусцы славятся сварливостью и драчливостью».

«Совершенно верно. Топогнусцы подразделены на двадцать три клана, постоянно соревнующихся в доблести. Один из этих кланов, Брумбо, организовал вторжение на Пао».

Беран не совсем понимал, о чем говорил наставник: «Вы имеете в виду...»

«Отныне Пао – личная провинция гетмана клана Брумбо, Эвана Бузбека. Десять тысяч разбойников в нескольких размалеванных военных кораблях захватили всю планету. Твой

дядя, Бустамонте, скрывается в изгнании».

«И что теперь будет?»

Палафокс сухо рассмеялся: «Кто знает? Но тебе, в любом случае, лучше оставаться на Расколе. Вернувшись на Пао, ты сразу расстанешься с жизнью».

«Но я не хочу здесь оставаться. Мне не нравится Раскол».

«Нет? – Палафокс снова сделал вид, что удивился. – Почему же?»

«Здесь все не так, как на Пао. Здесь нет никакого моря, никаких деревьев...»

«Само собой! – воскликнул Палафокс. – У нас нет деревьев, зато у нас есть Институт. Теперь ты начнешь учиться и поймешь, что на Расколе жить гораздо интереснее, чем на Пао. Но прежде всего – раскольный язык! Начнем, не мешкая. Пойдем!» Наставник поднялся на ноги.

Беран не испытывал почти никакого интереса к раскольному языку, но теперь любое занятие казалось ему лучше утомительного безделья – как на то и рассчитывал лорд Палафокс.

Палафокс прошествовал к лифту – Беран поплелся за ним. Они поднялись в верхнее отделение усадьбы – туда, куда Берану до сих пор вход был воспрещен – и зашли в просторную лабораторию, благодаря стеклянному потолку освещенную белым облачным небом. Работавший за столом молодой человек в облегающем темно-коричневом костюме, один из многочисленных сыновей Палафокса, поднял голо-

ву. Тощий и жилистый, с резкими и жесткими чертами лица, он походил на Палафокса не только внешностью и осанкой, но и характерными жестами. Палафокс мог гордиться таким свидетельством преобладания своих генов, в большинстве случаев превращавших потомков в почти точные копии его самого. На Расколе престиж оценивался в зависимости от способности человека запечатлеть себя в будущих поколениях.

Взаимоотношения между Палафоксом и Фаншилем – молодым человеком в темно-коричневом костюме – не отличались ни взаимной привязанностью, ни откровенной враждебностью. По сути дела, проявление каких-либо эмоций настолько последовательно подавлялось в домах, корпусах и дортуарах институтского городка, что их отсутствие воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

Фаншиль проделывал какие-то операции с миниатюрным компонентом механизма, закрепленным в струбцине. Он изучал увеличенное трехмерное изображение устройства на экране, установленном на уровне глаз; на руках у него были перчатки, управлявшие микроскопическими инструментами и позволявшие с легкостью манипулировать деталями, незаметными для невооруженного глаза. При виде Палафокса Фаншиль прервал свои занятия, подчинившись более интенсивному эго прародителя.

Несколько минут два раскольника беседовали на местном наречии. Беран начинал надеяться, что о нем забыли,

но Палафокс прищелкнул пальцами, привлекая его внимание: «Перед тобой Фаншиль, мой тридцать третий сын. Он научит тебя многим полезным вещам. Советую не отлынивать, проявляя энтузиазм и прилежание – не в том смысле, в каком это понимается на Пао, а так, как подобает студенту Раскольного института. Каковым, как мы надеемся, ты сможешь стать». Наставник удалился без дальнейших слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.